

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

«Философский сон» в романе Франческо Колонны «Гипнеротомахия Полифила» (1499)

Семенова Юлия Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: semenova_yulia@inbox.ru

v Работа Франческо Колонны «Гипнеротомахия Полифила» [4] («Любовное борение во сне Полифила») на протяжении долгого времени изучалась в основном как феномен литературы и искусства. Только в XX веке начали появляться исследования, рассматривающие этот роман как сложное образование, испытавшее огромное влияние со стороны различных философских направлений: в текстовом пространстве сплетаются интеллектуальные традиции Античности, Средневековья и гуманизма. Синкретизм Колонны, соединяющий Платона и Лукреция с Аристотелем, перекликаясь с идеями Плотина, Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино и Джованни Пико делла Мирандола, оказывается достаточно свободным.

v Роман Франческо Колонны представляет собой путешествие души во сне[3]. Освобожденная от тела, двойственная по своей природе, душа разрывается меж двух противоположных направлений – она «поддается диким и смертным искушениям этого низкого мира», в то же время «влечется добродетелью и разумностью бессмертных вещей. . . поэтому с необходимостью стремится вверх»[Gabriele, 1998, р. IX].

v В романе присутствует достаточно следов платоновской философии: изображение тела как тюрьмы для души [НР, 1499, р. 274], Полия названа Идеей [Нр, 1499, р. 12, 31, 148], любовь понимается как лишение и совпадение противоположностей [НР, 1499, р. 279]. Также воспроизводится трехчастная структура платоновской души, представленная в романе в образах трех памятников: колосс - олицетворение раздражительной части; фигура коня и девушек - символ вожделеющей стороны; слон - знак рациональной части.

v Неоплатонизм в романе присутствует в более сложном виде. Одним из самых сильных и загадочных изображений книги является памятник триединства [НР, 129-130], соединяющий символы Отца, Сына и Святого Духа, означающих, в свою очередь, прошлое, настоящее и будущее. Значение памятника выходит за рамки образа *Alma Venus* Лукреция, тем не менее, Колонна и не называет его эстетическим видением платоновского Единого, созерцание которого превосходит интеллектуальные способности человека. В этом монументе Франческо Колонна выражает образ Венеры-Природы[1].

v В сохранении особого избыточного состояния ума (*excessus mentis*), которое позволило бы герою проникнуть в мистерии Любви Матери Венеры, проявляется неоплатоническая идея интеллектуального экстаза. Пирамида, встречающаяся на пути героя, открывается как еще один неоплатонический образ. Она воплощает в себе идею восхождения души к Единому, к Благу, к священному свету, от которого все рождается и которым все питается.

v Одним из ярких образных источников для Колонны являются «Метаморфозы» Апулея (II в. н.э.). Любопытство, от которого страдает апулеевский Лучио, сподвигает

Полифила на путешествие, целью которого становится его возлюбленная Полия. Полифил, как и его предшественник, восходит через «печальную путаницу слепой похоти к просветлению и возвышенности Богини Венеры...» [Gabriele, 1998, p. IX]. Отсюда связь любопытства и желания (*curiositas-voluptas*), проходящая через все повествование итальянского романа. Во вступительной статье переводчик романа Марко Ариани [1] вспоминает моменты инициации Полифила, которые происходят на протяжении всего романа. Они подводят его к открытию иной качественности. Это общий с апулеевским персонажем ход мысли: сначала герой должен быть «*asinus philosophans*», а затем «*philosophus mundus*». Умение сдерживать телесные порывы позволяет Полифилу обрести так называемую *humanitas*, что дает возможность разглядеть за соблазнами любопытства и желаниями нечто большее и высшее по своей значимости, открыть подлинную сущность Полии.

v В романе Колонны прослеживается влияние пифагорейской традиции. В основе мира, который конструируется автором, лежит идея гармонии, привнесенная в материю Светом или Умом. Гармония и порядок проявляются также в эстетике. Отсюда симметричные пропорции острова Цитеры (Киферы), ритмическая символика архитектуры сада. Идея красоты напрямую оказывается связанной с понятием числа. Обращаясь к пифагорейской и неоплатонической традициям, Колонна возвышает «число... до уровня онтологического основания для каждого эстетического явления» [Gabriele, 1998, p. XXVIII].

v В отношении эстетической концепции Колонны речь идет о языческо-христианском синкретизме. Для автора уже с гуманистическим знанием, но средневековыми истоками, эстетика полагается как «картина познания души». В дальнейшем язык эстетики «Гипнеротомахии» воспримет барокко и романтизм, которые очистят ее от метафизики, руководившей рукой и мыслью Колонны [3].

v Герметические тексты, по мнению Маурицио Кальвези [2], проникнув и соединившись с платоновскими, стали одним из течений культуры Возрождения и нашли свое отражение также в романе Колонны. Прежде всего, речь идет о «тройственности» образа Трисмегиста, о трех типах знания, выраженных в трех полюсах человеческой деятельности: созерцательной, активной и вожделеющей («*voluptaria*»). В романе Колонны эта идея преломляется в изображении трех порталов в скале, олицетворяющей собой Знание.

v Роман Колонны называют инакомыслием своей эпохи. «Гипнеротомахия» оказалась чувствительной к разнородным движениям мысли Возрождения.

Литература

1. Ariani M. Il sogno filosofico. In: Colonna F. Hypnerotomachia Poliphili / A cura di M. Ariani et M. Gabriele. Vol. 1-2. Milano, 1998.
2. Calvesi M. Il mito dell'Egitto nel Rinascimento: Pinturicchio, Piero di Cosimo, Giorgione, Francesco Colonna. – Firenze: Giunti, 1988.
3. Gabriele M. Il viaggio dell'anima. In: Colonna F. Hypnerotomachia Poliphili / A cura di M. Ariani et M. Gabriele. Vol. 1-2. Milano, 1998.
4. Hypnerotomachia Poliphili ubi humana omnia nisi somnium esse docet. Venice: Aldus, 1499.